

В контексте *реляционного подхода* культурное пространство может быть рассмотрено как феномен, образованный взаимодействием регионов в качестве культурных реальностей, а место каждого из «региональных» пространств определяется через его отношение к другим культурным пространствам. Взаимодействие «региональных» культурных пространств, их взаимные диспозиции, отношения со столицей, проявляясь в качестве пространственных оппозиций, образуют структуру культурного пространства страны.

Таким образом, более четкий теоретико-методологический анализ понятия «культурное пространство» позволяет вести исследование процесса его реструктуризации в современной России в региональном аспекте, что позволит представить новую модель, обеспечивающую внутреннюю интегрированность этого пространства.

С.В. Оболкина  
Екатеринбург

## ОБЩАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ КАК ВЕРСИИ НАУЧНОЙ СТРАТЕГИИ

Процесс формирования экологии сегодня еще в активной стадии, но уже сейчас можно выделить два основных рукава экологических исследований: *общая экология* и *социальная экология*.

*Общая экология* исследует жизнедеятельность организмов в конкретной окружающей среде. Общая экология кровно связана с биологией, их категоричное разделение будет искусственным. Но для общей экологии важен особый угол зрения на биологическую реальность: она исследуется как иерархичная система. Космический, геологический, биосферный уровни, а так же иерархичная организация биологической системы — от вида к гену — образуют сложную систему, для которой разноразмерность имеет решающее значение. Каждый уровень обладает известной автономностью, но в то же время связан как с нижним, так и с высшим. Для обозначения специфики этой связи экология применяет понятие *единой системы позиционного контроля*. Это понятие отражает особую форму причинности, характерную для функциональных экологических исследований — синхронизм. Внимание

к процессуальности, взаимозависимости, одновременности изменений на разных иерархических уровнях системы.

В современных экосистемах и экосистеме макромасштаба — биосфере — огромную роль играет человек, причем не столько как биологический вид, сколько как творец надбиологических образований — культуры, техники. Соответственно, специфична цель экологических исследований: это не столько описательно-теоретические задачи, сколько практический аспект преодоления экологического кризиса. Этот момент является главным в *социальной экологии*. Особенность этой научной дисциплины в том, что она представляет собой синтез естественно-научного исследования и нормативно-организационного творчества в отношении глобальной социальной системы. Социальная экология мыслит своим предметом, скорее, практическую задачу перевоспитания современного человека на основе тех представлений об экологической действительности, которые формирует как форма знания. Ее концепции можно объединить в два направления, условно назвав их *прогрессистским* и *неоромантическим*.

*Прогрессистское* направление полнее всего представлено общественной организацией Римский клуб. Римский клуб объединяет около 70 предпринимателей, управляющих, политических деятелей, деятелей культуры и ученых. Его деятельность началась в 1968 г. со встречи в Академии Деи Линчеи в Риме, когда ученым было предложено проанализировать проблемы, связанные с ограниченностью ресурсов Земли. Ряд моделей, выполненных с применением компьютерных технологий, лег в основу стратегии клуба: донести до человечества беспокойство о катастрофичности ситуации и предложить ряд мер ради достижения «глобального равновесия».

Римский клуб ставит проблему в двух плоскостях. Требуются масштабные изменения в культурном развитии человечества; соответственно, требуются огромные экономические затраты на осуществление этих изменений. Поэтому политика (и исследовательская, и общественно-практическая) Римского клуба теснейшим образом связана с экономикой. А именно: благодаря управляемому развитию мировой социально-экономической системой осуществить трансформацию культур мирового сообщества в некую единую культуру (т.н. установки *мондиализма* и *глобализма*), которая в свою очередь будет формировать новые качества чело-

века — развитое экологическое сознание. Поэтому важна для Римского клуба и область надэкономических задач: например, развитие соответствующих психологических качеств человека связывается с воздействием новых синтетических религий.

*Неоромантическое* направление социальной экологии не является столь концептуальной разработанной программой действий. Но общей чертой — а это родовая черта социальной экологии — является попытка решать экологические проблемы посредством формирования характеристик сознания человека. Однако если прогрессистская линия больше рассчитывает на отказ от некоторых свобод, то неоромантическая, скорее, предлагает вернуть человеку некую доцивилизационную свободу, в том числе в отношении к природе. Предлагается возродить такую непосредственную форму общения с природой, которой обладало архаическое общество. Подобное мышление, по мнению представителей неоромантического направления, проявится в сближении экологических и духовных ценностей на новом витке языческой культуры<sup>1</sup>.

Общим моментом этих двух направлений социальной экологии является, во-первых, своеобразное использование собственно науки экологии. Она мыслится, скорее, только поставщиком данных о неблагополучии, но решение проблем этого неблагополучия переносится социальной экологией в иную, а чаще всего и вовсе ненаучную сферу: от глобальных социально-экономических проектов до самых экзотических религиозных движений. В этой перспективе перед экологией встает важный вопрос: может и должна ли экология и как естественно-научная дисциплина (главным образом общая экология) полноценно участвовать в формировании решений по проблемам экологического кризиса?

Конечно, экологическая проблематика включает в себя гуманитарную составляющую в значительном объеме. Решая экологические проблемы, наука (главным образом социальная экология), по сути, предлагает решения и традиционных культурологических проблем. Неизбежен ее выход на проблему соотношения культуры и цивилизации. Поэтому представляется важным рассмотреть философские и культурологические установки, которые лежат в основе современных проектов преодоления экологического кризиса.

Во-первых, следует обратить внимание на то, что логика мысли представителей и прогрессистской, и неоромантической линии движется в круге *эволюционистской парадигмы культурологии*.

Именно в пределах этой парадигмы допускается единство человеческого рода и, кроме того, развитие культуры мыслится в некоем единообразном однолинейном процессе от простого к сложному. При этом положительными качествами наделяются либо более ранние стадии этого процесса, либо более поздние. Для неоромантической версии социальной экологии это ранние — архаичные — стадии. Представители прогрессистской линии, наоборот, надежды возлагают на дальнейший прогресс, который, однако, будет уже контролируемым со стороны определенного глобального управляющего органа. И в той, и в другой линии важна проблема соотношения культуры и цивилизации, которая имманентна эволюционистской парадигме.

Следует проследить исторический путь формирования проблемы. В конце XIX в. немецкий социолог Фердинанд Теннис противопоставил понятия, характеризующие различные формы социальной организации: «*община*» (*Gemeinschaft*) и «*общество*» (*Gesellschaft*). В *общине* отношения коренятся в эмоциях, привязанности, душевной склонности, они и создают общности типа семьи, соседства, рода, а также этноса и нации. Для *общества* характерны отношения на основе рационального поведения. Это, в первую очередь, отношения обмена — смена находящихся во владении вещей. Эти отношения, подчеркивают исследователи, могут существовать не только между членами общины, но даже и между врагами, т.е. в рамках единой рациональной системы благодаря сознательному решению участвующих сторон. Взаимодействующие стороны же рассматриваются как «формальные лица». Именно такие взаимоотношения характеризуют общество, вышедшее в своем развитии на стадию цивилизации. Идеи Тенниса были органичны для Германии XIX в., остро переживающей состояние культурного единства и одновременно социально-политической раздробленности, но оказались востребованы и всей европейской мыслью, которая зачастую радикализировала противопоставление культуры и цивилизации.

Мы можем увидеть, что сегодня в социальной экологии эта идея противостояния цивилизации и культуры востребована на глубинном уровне представлений — в качестве мировоззренческих предпосылок. Однако возникает вопрос: насколько сама экология органично чувствует себя в условиях, которые формируются этими предпосылками?

Методологическим базисом экологических представлений является идея системности, холистической, а не механической причинности. Эволюционистская же культурологическая парадигма основана на противоположном методологическом основании: это механицизм, а именно — редукционизм. Элементарные единицы, взаимодействуя, создают особенности системы в целом; части определяют целое, то есть, если взаимоотношения Я и Другого наполнены душевной привязанностью, мы говорим о доминировании культуры, если они развиваются в системе формальных отношений — о цивилизации. В контексте проблемы экологического кризиса Другой — это Природа, поэтому социальная экология предлагает воздействовать на человека на уровне религиозных представлений, этнически-национальной идентификации и тем самым трансформировать индивидуального человека, его душевные качества и систему ценностей. Трансформация элемента приведет к трансформации целого. Таким мыслится путь достижения социально-природного единства как взаимоотношений культуры, а не цивилизации.

Однако если быть методологически более последовательными, то для решения экологических задач мы должны воспользоваться тем методологическим инструментарием, который и развивает экология. Для экологических решений идеи иерархизма, разноуровневости организации сложной системы являются жизненно важными. Принцип иерархизма в экологической интерпретации рассматривает подсистемы как автономные энергетические циклы (например, биогеоценозы в биосфере), единство которых выстраивается не в линейной зависимости, а согласно принципу синхронизма — *принципу единого позиционного контроля*. Таким образом, идея уровней, масштабов, взаимосвязанных и одновременно свободных в применении к системе человеческих взаимоотношений отрицает линейную причинную связь между индивидуумом и социальной системой в целом, позволяет почувствовать разноуровневость в этой системе отношений и специфику каждого уровня.

Уровень взаимодействия, на котором важен личный контакт, общение Я и Другого — это уровень культуры. Культуру нельзя «оторвать» от ее носителей, от непосредственных контактов. Как сказал Ф. Бок, культура — это то, из-за чего ты становишься чужаком, когда покидаешь свой дом. Это, скорее, категория эстети-

ческая, то, что чувствуется, то, что зачастую характеризуется моментами случайности, непредсказуемости, описывается в терминах индивидуальности и несхожести. Тогда как уровень взаимодействия социальных институтов (или индивидуальных людей, но являющихся при этом представителями социальных институтов) — это, скорее, общение функций, а не личностей. Именно на этом уровне взаимодействия формируется то, что характеризуется как цивилизационная компонента общества (рациональность, формализованные отношения, устроенность системы). И этот уровень не отменяет собой культурный; человек живет одновременно на различных уровнях взаимодействия: культуры и социальности, при этом не растворяясь ни в том, ни в другом как индивидуум.

Современные системные исследования указывают, что адекватнее всего отношения социальных институтов описываются с позиций энергетических: это система, которая стремится к состоянию, требующему меньших затрат на поддержание своих структурных связей. Здесь «выгодно» или «невыгодно», действительно, сущностные характеристики. Если энергетически выгодно одно решение, то именно оно и будет воспроизводиться социальной системой. Поэтому если экологические предписания не выгодны для существования какого-то социально-экономического института (например, промышленности), то даже в условиях, когда на индивидуальном уровне все культурные субъекты относятся к природе сочувствующе и с особым душевным чувством, ситуацию это вряд ли исправит: экологические меры останутся только карательной санкцией.

Исследователи подчеркивают важность философской рефлексии тех культурологических установок, которые вошли в предпосылочный базис экологии, что особенно остро проявляется в проблеме мер преодоления экологического кризиса. Сегодня, когда одним из субъектов общественных отношений, субъектом, требующим уважения своих прав, стала окружающая среда, очень важно успешно и философски грамотно перенести экологические требования на уровень именно социальности, т.е. уровень цивилизационной устроенности общества.

Для небольших и мобильных социальных систем типа североевропейских государств трансформация взаимодействия социальных институтов (правовых, экономических, политических, института общественного мнения) на сегодняшний день проходит бо-

лее успешно, чем, например, в России. Должна ли в этом случае идти речь о том, что в России не хватает именно личностно-эмоционального восприятия ценности природы и его требуется выработать либо вернув России ведическую культуру, либо, наоборот, уничтожить ее самобытность в «горниле» единой глобальной культуры? Думается, философская рефлексия проблемы соотношения культуры и цивилизации позволяет отойти от этих мировоззренческих утопий в пользу научного анализа. В небольших странах северной Европы удастся такая организация *социального* взаимодействия (именно институтов, а не личностей) когда экологически грамотное отношение — это выгодная форма их взаимодействия. Тогда как в России мы по-прежнему мыслим в терминах и установках эволюционной парадигмы культурологи, в механицистическом «режиме» функционирования проблемы культуры и цивилизации. К социальному субъекту, по сути, предъявляются требования, которые относимы к личности. Промышленное предприятие, для которого экологический контроль сводится к штрафам, мыслится как личность, которая продемонстрировала свою порочность, за что и должна быть наказана. Отсюда развитие экологической проблематики преимущественно в сторону усиления репрессивных мер — как попытка своего рода «перевоспитания». Этот подход устойчиво демонстрирует свою неэффективность, но в отсутствии действительно *научного* подхода к экологическим проблемам не преодолевается.

Именно общая экология как такая форма экологии, которая и на стадии вопросов, и на стадии ответов остается в пределах своей научной проблематики, может существенно трансформировать наше понимание пути преодоления экологического кризиса. Во-первых, общая экология убедительно доказывает несостоятельность некоего глобального решения. Если сегодня мы, наконец, включаем в орбиту агентов взаимодействия окружающую среду, то это не может быть природа вообще (как это мыслится, например, Римским клубом), а всегда конкретная экологическая система, к проблемам которой у глобальной организации вряд ли есть выход. Это серьезная философская проблема абстрактного и конкретного, проблема, поднятая еще Г.В.Ф.Гегелем и разрабатываемая в свое время советской школой философии. Конкретное мышление противопоставляется абстрактному как действительно познавательное — многогранное и активное. Экология подтвер-

ждает эту мысль на новом этапе очень насущной практической озабоченности человека: мы с необходимостью должны знать требования *конкретной* экосистемы, ее реактивные способности, условия взаимодействия в конкретной химической среде (в частности в условиях контактов с конкретным производственным комплексом). Только на этом уровне решения трансформация взаимоотношений человека и окружающей среды может идти по пути экологических грамотных, научных, решений. Как указывает академик С.С.Шварц, если внимательно изучить конкретную экосистему, то большого эффекта зачастую можно добиться очень малыми, но точными средствами (например, химического воздействия). В этих условиях требования конкретного, а не абстрактного глобалистского подхода роль научного вклада экологии в решение проблемы экологического кризиса значительно вырастет. Причем оказываются особенно важными экологические научные центры регионального уровня, поскольку именно они имеют дело с конкретикой экосистем своих регионов. Что, соответственно, требует, усиления их роли и влияния на региональные политические и правовые институты. По этому поводу стоит упомянуть еще одну развивающуюся дисциплину экологии — экологическую социологию. Ее предмет — экологическая компетенция власти (политических партий)<sup>2</sup>.

Какой же может мыслиться в этом случае роль глобальных организаций, озабоченных экологической проблемой (типа Римского клуба)? Скорее всего, это не проекты развития всего мира во всех ипостасях его деятельности, а контроль за высоким общественно-правовым статусом тех экологических решений, которые формирует именно *наука экология*. Совершенно не случайно в условиях преобладания научного авторитета именно социальной экологии громкие глобальные решения на региональном уровне оборачиваются только «карманными» экологическими экспертизами. Для изменения же ситуации требуется, чтобы экспертизу прошла сама социальная экология — экспертизу своих философских предпосылок.

<sup>1</sup> Марков Ю.Г. Социальная экология. Взаимодействие общества и природы: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2004. С. 518.

<sup>2</sup> Примером исследований этой экологической дисциплины может являться проведенное Академэкоцентром при Институте экономики УрО РАН

сравнительное социологическое исследование деятельности политических партий и общественных объединений Южно-Уральского региона (см.: Пацула А.В. Экологическая социология. Челябинск, 2000).

К.М. Ольховиков  
*Екатеринбург*

## ПРОБЛЕМАТИЧНОСТЬ РЕФЛЕКСИВНОЙ НАУЧНОЙ ЭТИКИ КАК ВНУТРИНАУЧНОЙ САМООЦЕНКИ

Окончание второй мировой войны также знаменовало поворот к проблеме самодостаточности и ответственности науки. Атомная бомба и экспериментирование над человеком обозначили главные сюжетные линии публичной обеспокоенности научно-техническим прогрессом. Вскрылся целый комплекс вопросов, вызревавших с эпохи ранних индустриальных обществ. Принципиальное пространство понимания флюктуировало между темами:

а) самодостаточности научно-технического прогресса, его способности быть средством выживания и развития человечества;

б) инструментальной амбивалентности научно-технических достижений, их способности служить благу и злу;

в) неизбежной платы за фундаментальность научного поиска — в виде продуцирования непредвиденных опасностей и угроз.

Этос науки стал ощущим на уровне чувственных представлений общественного мнения, что отнюдь не сняло неоднозначности его научного и философского понимания. В целом контуры коллизии вполне совпали с отношением к либеральным ценностям. Вера в науку как религию факта натывается на экзистенциальное недоверие к социальным институтам как организованному насилию над частными практиками повседневной жизни. Этическая метапроблема науки сводится к надеждам на пространства свободы, свободы от насилия над человеческой природой и индивидуальностью.

Пресловутая гибкость нормативно-ценностной инфраструктуры научной деятельности, порожденная опорой на тотальность наблюдения и методологический абсолютизм эксперимента, вполне повторяет антропологические изгибы и психологические причуды частной сферы человеческого существования в его устремленности к счастью и полноте удовлетворения глубинных